5 СЕНТЯБРЯ 1990 г.
№ 36 (5310)
ЦЕНА 20 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГАЗЕТА ОСНОВАНА В 1830 г. ПРИ УЧАСТИИ А. С. ПУШКИНА. ИЗДАНИЕ ВОЗОБНОВЛЕНО В 1929 г.

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

IX (36–39)п

Ф. БУРЛАЦКИЙ

К СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Есть два противоположных суждения о том, что происходит с нашей страной. Одни говорят — распад, другие говорят — обновление. Первому не хочется верить. Второму верится с трудом.

Но в самое последнее время я стал ловить себя на странном чувстве: *какой-то род зарождающегося*, пока еще не окрепшего, но зреющего оптимизма. Мне стало казаться, что, несмотря на видимый хаос, падение производства, растущие дефициты, национальные конфликты, несмотря на несговорчивость центра и неумеренность республик, несмотря на все другие испытания, где-то впереди забрезжил свет надежды, появились признаки общественного согласия. Подобно тому как видишь: в горной реке ревет поток, ворочаются каменья, разлетаются брызги, но дальше, за поворотом, уже видится более спокойная заводь.

Таким поворотом явилось соглашение между Горбачевым и Ельциным о подготовке совместной программы перехода к рынку. За этим должна последовать общая работа всех республик и центра над «союзным договором. Но вот я познакомился с проектом «Программы действий Компартии РСФСР», *подготовленным ко второму этапу учредительного* съезда, и мой робкий оптимизм стал убывать. Какая ностальгия по прошлому! Какие страхи перед будущим! Какая бедность мысли! Возникают серьезные опасения, что открывается второй фронт борьбы против согласованной на XXVIII съезде платформы, против политики Горбачева.

Уже с начала, в первой фразе «Программы действий...» говорится о «становлении» Компартии РСФСР. Становлении... В конце документа поясняется: «Коммунисты Российской Федерации рассматривают создание своей партии не как механический акт слияния партийных организаций Республики, а как возникновение новой политической силы».

Что же, позиция выражена четко. Речь идет о новой организации, о новой политической силе. Отсюда непреложно следует не менее четкий вывод. В каждую организацию, а *тем более партию, вступают добровольно. Вступая, выражают* согласие с ее программой и уставом. Стало быть, предполагается, что после утверждения этих документов на предстоящем съезде каждый из многомиллионной армии коммунистов, проживающих на территории Республики, должен будет сделать свой выбор—подать или не подать заявление, чтобы быть принятым в одну из организаций. Это правильно. Новая политическая сила должна объединять только единомышленников. А люди, не согласные с ее программой или уставом, могут остаться со «старой политической силой», то есть КПСС, либо вообще выйти из партии.

Надо думать, что и парторганизации тоже будут иметь право выбора. Нельзя же, в самом деле, насильно зачислять те или иные организации в «новую политическую силу». Кроме того, есть организации общесоюзного значения, например *Академия наук СССР, союзные творческие объединения, со*юзные органы печати и т. д., для которых такой выбор особенно важен.

Однако, говоря о «Программе действий...», хотел бы отрешиться от соблазна отвергнуть ее с порога по политическим мотивам. Да, коллектив «ЛГ» и я в том числе уже заявляли о своем отношении к учредительному съезду. Тем не менее «Программа действий...» заслуживает внимания. Было бы неверно думать, что она отражает мнение лишь какой-то части партаппарата. На самом деле в ней выражены предрассудки и опасения довольно широких слоев — и внутри, и вне КПСС. Это феномен той общей и особенно политической культуры, которая досталась нам от прежних эпох, прежде всего от сталинской.

Меня часто спрашивают на Западе: ну, а как относится *народ к перестройке, к парламентаризму, к рынку*? Я обычно отвечаю: серьезных исследований общественного мнения, особенно в глубинке страны, нет. Но по моим впечатлениям, дело выглядит примерно так: треть общества, прежде всего молодежь, жаждет перемен и готова лучше работать за более высокое вознаграждение, обеспеченное товарами. Другая треть, которая включает прежде всего деклассированные элементы, решительно возражает против грядущих перемен. Они боятся потерять то, что имеют, и особенно раздражены тем, что кто-то вырвется вперед, будет жить лучше. А треть выжидает. «Программа действий...» рассчитана как раз на объединение этих последних двух третей. В этом ее опасность. Социальная зависть, которая лежала в основе избиений в период революции, коллективизации, охоте за врагами народа и диссидентами, — увы, это легковозбудимая бактерия *нашего общественного сознания. А раз так, то нужна по*лемика, имеющая целью не просто заклеймить отсталые, архаичные взгляды, а убедить и переубедить колеблющихся. Да и самим знать, куда мы идем. В связи с этим затрону ряд принципиальных вопросов, связанных с анализом «Программы действий...» и выходящих за эти рамки.

Больше всего меня беспокоит то, что обществу снова пытаются навязать идеологические дискуссии. В «Программе действий...» нас возвращают к «коммунистической перспективе». Наряду с этим постоянно идут споры о социалистической идее. И, наконец, идеология национализма, которая в последнее время все больше выдвигается на передовые рубежи. Однако опыт уже достаточно показал, что ни одна из этих идеологий не может сегодня объединить наше общество, стать основой практических решений жизненных проблем — *продовольственной, жилищной, проблемы насыщения* рынка товарами широкого потребления, здравоохранения, экологии и т. д.

Коммунистическая идея — что и говорить — прекрасная и соблазнительная мечта создать общество изобилия без классов, без наций, без государства, без денег, без армии, без преступников, общество чистых, равных, святых людей. Но как можно забыть, что каждый раз, когда предпринимались попытки осуществить эту мечту на практике, общество падало в глубокую пропасть! «Военный коммунизм» 20-х годов. Коллективизация 30-х. Коммунистическое строительство в 50—60-х... Это у нас. А еще «культурная революция» в Китае, режим Пол Пота и многое другое. Культ вождя, тотальный контроль над человеком, государственный террор — так обернулась мечта в реальной жизни. Не пора ли признать эту очевидность! *История отодвинула* мечту о коммунистическом рае в перспективу столетий или даже тысячелетий, точно так же, как христианскую мечту о всеобщем братстве или мусульманскую — о всеобщем мире и благополучии. И включать «коммунистическую перспективу» в «Программу действий...» — это пустая и вредная утопия.

Социалистическая идея тоже должна быть взвешена на весах практического опыта. Признаюсь, меня очень забавляет полемика между «левыми» и «правыми» о том, построен у нас или не построен социализм. Забавляет хотя бы потому, что я помню дискуссии на эту тему в 50-х годах. Правда, тогда догматик Молотов доказывал, что социализм у нас еще не построен, а реформатор Хрущев утверждал обратное и настаивал на развернутом строительстве коммунизма. Но разве не понятно, что то, что у нас «построили» за 70 лет, и было социализмом — другого социализма история не знала. Были, правда, еще восточноевропейский, более мягкий, и азиатский, более жесткий, варианты, но того же самого «нашенского» социализма. Его можно называть административно-командным либо феодальным. Я предпочел понятие государственного социализма, полагая ничтоже сумняшеся, что ввожу в обиход новый термин. Но потом обнаружил, что еще Бухарин отбивался от обвинений нашей системы в госу-

● ОКОНЧАНИЕ НА 2—3-й СТР.

КАК МЫ ЖИВЕМ: бюджет семьи

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИСТА

стр. 9

НА САМОМ ВЕРХУ

ВЛАСТЬ, ЛИЧНОСТЬ И УСПЕХ

КАК БЫ В ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ТОГО, ЧТО МНОГОЧАСОВЫЕ БЕСЕДЫ С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ НЕ БЕЗРЕЗУЛЬТАТНЫ, ПРЕЗИДЕНТ СССР И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР ЗАЯВИЛИ (КАЖДЫЙ НА СВОЕЙ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ) О НЕОБХОДИМОСТИ УСИЛЕНИЯ ВЛАСТИ В СТРАНЕ.

Б. Н. Ельцин окончательно перенес огонь своей критики с прежних объектов на правительство страны, М. С. Горбачев, *в свою очередь, отметил* возможность коррекции «состава кадров». Похоже, в ближайшее время мы познакомимся с новой администрацией, которой и придется выволакивать из трясины наш разваливающийся воз.

И все же противоречия остаются. Президент — за сопоставление двух проектов экономреформы: правительства и группы Шаталина. Председатель же российского парламента объявил программу союзного правительства несостоятельной и сообщил, что рассматриваться будет только программа Шаталина. Разница существенная — второй вариант отметает саму возможность сколько-нибудь разумной альтернативы, может привести парламентариев к необходимости либо целиком принять предложенное, *либо целиком же отвергнуть*. Причем опять аргументы будут рождаться прямо у микрофонов, воздействуя больше на эмоции, чем на рассудок.

Что ж, ждать недолго, через несколько дней (как мы надеемся) не только депутаты, но и общество получат возможность сравнить программы, примерить к кризисному своему состоянию, высказать собственное мнение. Пока же, прощаясь уже мысленно с прежним «составом кадров», каждый пытается представить себе — кто следующий? Ведь если смена состоится, уйдут не просто министры — уйдут командиры Командной Системы, и сменить их должны люди, устроенные принципиально иначе. Правительство национального доверия должен возглавить тот, кто пользуется доверием (как личность и как профессионал) не только у Президента или у Председателя, не только у коллег-управленцев либо ученых, но и у простых людей из всех республик. Пример — Станислав Сергеевич Шаталин, академик по званию и компетентный реформатор по духу.

В Польше экономисту Бальцеровичу поручили самому осуществлять свой план. Пока идет с успехом. Чем наш Шаталин хуже?

В. СОКОЛОВ

НОВАЯ РУБРИКА «ЛГ»

Кафедра

ГОГОЛЬ ПОДЧЕРКИВАЛ, ЧТО ТЕАТР — «ЭТО ТАКАЯ КАФЕДРА, С КОТОРОЙ МОЖНО МНОГО СКАЗАТЬ НАРОДУ ДОБРА». ТАКОЙ «КАФЕДРОЙ» ХОТЕЛИ БЫ МЫ ВИДЕТЬ И СВОЮ НОВУЮ РУБРИКУ.

МЫ РАССЧИТЫВАЕМ, ЧТО НА НАШУ «КАФЕДРУ» ПОДНИМУТСЯ АВТОРИТЕТНЫЕ ФИЛОЛОГИ И БОГОСЛОВЫ, ФИЛОСОФЫ И КУЛЬТУРОЛОГИ, ИСТОРИКИ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРИТИКИ.

стр. 4

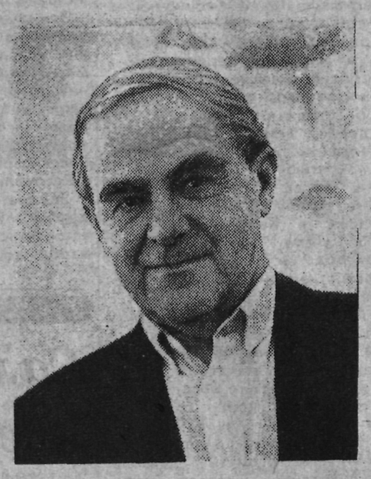
ПРИСТРАСТНЫЕ ЗАМЕТКИ

Даниил ГРАНИН

ЧИТАЯ ЕЛЬЦИНА

«...ПОДОБНЫЕ КНИГИ ОБЛАДАЮТ МАГИЧЕСКИМ СВОЙСТВОМ — ОНИ ЗАСТАВЛЯЮТ ГЕРОЯ БЫТЬ ТАКИМ, КАКИМ ОН ИЗОБРАЗИЛ СЕБЯ».

стр. 10



ВРАЧУ, ИСЦЕЛИСЬ САМ...

О ЗЛОКЛЮЧЕНИЯХ ПРОФЕССОРА, ПОПАВШЕГО В БОЛЬНИЦУ.

стр. 12

Александр Керенский:

«ИМПЕРАТРИЦА ТРЕБОВАЛА МОЕЙ ГОЛОВЫ»

В ТРАКТОВКЕ КЕРЕНСКОГО ЗАМЕТНА ПОПЫТКА ОПРАВДАТЬ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, ОБЪЯСНИТЬ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ НЕКОЕЙ «ФАТАЛЬНОСТЬЮ», ПРЕСЛЕДУЮЩЕЙ РОССИЮ, СКРЫТЬ НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ «ОБЪЕКТИВНЫМИ, НЕПРЕДВИДЕННЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ...». ВСЕ РАВНО ПОЗИЦИЯ КЕРЕНСКОГО — ПОЗИЦИЯ НЕ СВИДЕТЕЛЯ, А ОДНОГО ИЗ ГЛАВНЫХ УЧАСТНИКОВ. ЭТО ДОКУМЕНТ ИСТОРИИ.

стр. 13

ТАКСИ С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

ВЗЯТЬ ТАКСИ В МОСКВЕ ПОЧТИ НЕВОЗМОЖНО. ПОБОРЫ НА БОЛЬШИХ ДОРОГАХ — ЭТО СЛЕДСТВИЕ БЕСПОЩАДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ РАСПОЯСАВШИХСЯ ТЕМНЫХ СИЛ: НИ В ЧЕМ НЕ ОГРАНИЧЕННЫХ «ЧАСТНИКОВ», ЖАДНО РИНУВШИХСЯ НА ЛОШАДИНЫХ СИЛАХ ЗА НАЖИВОЙ, И ГОСУДАРСТВЕННЫХ «ИЗВОЗЧИКОВ», КОТОРЫЕ, ЗАВИДУЯ ЧУЖОЙ УДАЧЕ, ПРИНЯЛИСЬ ИХ НА БЕШЕНОЙ СКОРОСТИ ДОГОНЯТЬ.

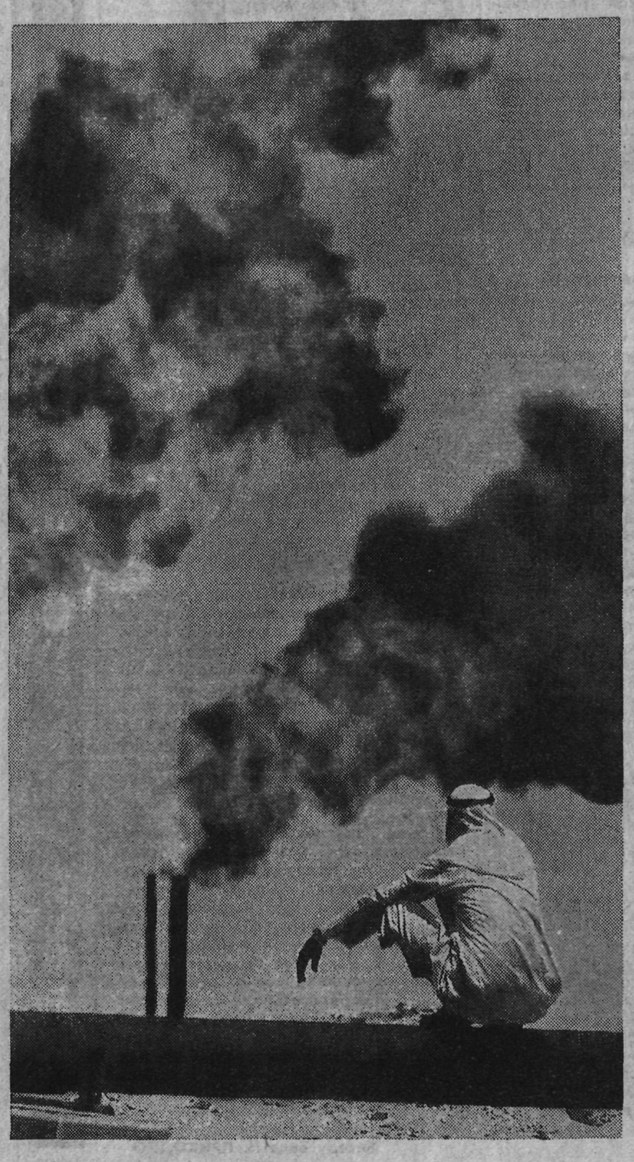
стр. 11

НОВАЯ РУБРИКА «ЛГ»

портрет и автопортрет

СУЖДЕНИЯ НАБОКОВА МЕНЬШЕ ВСЕГО ПОХОДЯТ НА СУХИЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ ШТУДИИ И ХАРАКТЕРИЗУЮТ НЕ ТОЛЬКО ДОСТОЕВСКОГО, НО И ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ САМОГО НАБОКОВА, ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННУЮ МАНЕРУ, ЕГО СКЛАД УМА.

стр. 7



Разгорается конфликт на Ближнем Востоке. Сообщения на эту тему читайте на 14-й странице.

Фото из журнала «Пузн» (ФРАНЦИЯ)

ПОЛИТИКА И НЕФТЬ

ПОЖАР!

Получат ли подписчики «ЛГ»?

Из-за пожара в Ростовской типографии 318 тыс. подписчиков не получали в течение августа с. г. «Литературную газету». На совместном совещании министерств связи СССР, РСФСР, УССР и издательств было принято решение осуществить печатание газет в близлежащих городах. По протоколу, утвержденному заведующим отделом Управления делами ЦК КПСС В. Костровым и заместителем министра связи СССР Е. Манякиным, ростовский тираж «Литературной газеты» должен печататься в г. Харькове — 105 тыс. экз., в г. Минеральные Воды — 220 тыс. экз. Фактически типография г. Харькова печатает только 70 тыс. экз. «ростовского» тиража, а типография г. Минводы печатает 248 тыс. экз. И все-таки шансы наших ростовских подписчиков получать еженедельник «Литературная газета» невелики, если ЦРПА «Союзпечать» в союзе с предприятиями связи не наладит бесперебойную доставку отпечатанных тиражей «Литературной газеты» ее подписчикам. Издательство «Литературная газета» надеется, что руководство указанных организаций услышит наконец жалобы подписчиков и выполнит взятые обязательства.

Для любознательных подписчиков сообщаем телефоны для справок: г. Харьков — 92-22-46; г. 43-70-51.

г. Минеральные Воды — 30-8-34; 30-2-84

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

ИМПЕРАТРИЦА требовала моей головы

Беседы с Александром Керенским

ГОЛОС ЕГО НЕСКОЛЬКО СКРИПУЧ И РЕЗОК, НО ОН ЗАВОРАЖИВАЕТ СВОЕЙ СИЛОЙ И ЗВУЧНОСТЬЮ, В ТАКТ СЛОВАМ, ПРОИЗНОСИМЫМ ПО-ФРАНЦУЗСКИ СО СТРАННЫМ, ОДНОВРЕМЕННО РУССКИМ И АМЕРИКАНСКИМ АКЦЕНТОМ, ОН ИЗРЕДКА ПРИХЛОПЫВАЕТ ЛАДОНЬЮ ПО СТОЛУ, ЗА ЭТИМ СТУКОМ, ОТДАЮЩИМСЯ В МИКРОФОНЕ, — ГОРЯЧИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ, СКРЫВАЮЩИЙСЯ ДО ПОРЫ ПОД ОТТОЧЕННЫМ КРАСНОРЕЧИЕМ.

— СЛУШАЙТЕ, СЛУШАЙТЕ! ЭТО ГОВОРИТ ТОТ, КОГО ЗВАЛИ «ПЕРВЫМ ТРИБУНОМ РОССИИ». — НЕ ЗНАЮ, КАКИМ ОБРАЗОМ ПОПАЛИ К АЛЕКСАНДРЕ ПЕТРОВНЕ ПЛЕТНЕВОЙ — ПАРИЖСКОМУ ПОТОМКУ ПУШКИНСКОГО ИЗДАТЕЛЯ И БЛИЗКОМУ ДРУГУ НИНЫ НИКОЛАЕВНЫ БЕРБЕРОВОЙ — ЭТИ МАГНИТОФОННЫЕ ПЛЕНКИ, НО, МНЕ КАЖЕТСЯ, ИМ НЕТ ЦЕНЫ. В НОЯБРЕ 1953 ГОДА ЗАПИСАЛ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ КЕРЕНСКИЙ ЭТИ ПЯТЬ КАССЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ КАНАЛУ ФРАНЦУЗСКОГО РАДИО, А ВПЕЧАТЛЕНИЕ ТАКОЕ, БУДТО ОН КОММЕНТИРУЕТ НАШУ «ПЕРЕСТРОЕЧНУЮ» ЭПОХУ. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, ВОЕННЫЙ МИНИСТР, МИНИСТР ЮСТИЦИИ, ДЕПУТАТ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ, ЧЛЕН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ, И ПРОЧАЯ, ПРОЧАЯ... В БЕСЕДЕ С РОЖЕ ЛЮТЕНЬО, ИЗВЕСТНЫМ ЖУРНАЛИСТОМ ФРАНЦУЗСКОГО РАДИО, КЕРЕНСКИЙ ПРОБУЕТ ОСМЫСЛИТЬ ПРОШЛОЕ БЕЗ ЖЕЛЧИ И ЗЛОПАМЯТСТВА. И ПУСТЬ В ЕГО ТРАКТОВКЕ ДЕЛ «ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ» ЗАМЕТНА ПОПЫТКА ОПРАВДАТЬ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, ОБЪЯСНИТЬ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ НЕКОЕЙ «ФАТАЛЬНОСТЬЮ», ПРЕСЛЕДУЮЩЕЙ РОССИЮ, СКРЫТЬ НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ «ОБЪЕКТИВНЫМИ, НЕПРЕДВИДЕННЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ...», ПУСТЬ ДАЖЕ ЕГО ВИДЕНИЕ ПРОШЛОГО ПОРОЙ ФАКТОЛОГИЧЕСКИ НЕ СОВПАДАЕТ С ДРУГИМИ ИСТОЧНИКАМИ. ВСЕ РАВНО ПОЗИЦИЯ КЕРЕНСКОГО — ПОЗИЦИЯ НЕ СВИДЕТЕЛЯ, А ОДНОГО ИЗ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ. ЭТО ДОКУМЕНТ ИСТОРИИ.

ПАРИЖ

— Говорят, что после смерти Ильи Ульянова его дети были взяты на попечение вашим отцом, который стал их опекуном?

— Это не так. На бумаге опекунство оформлено не было, дети Ульянова остались жить с матерью. Но мой отец постоянно помогал детям своего друга. Так, когда Владимир Ульянов захотел поступить в Казанский университет, он обратился за помощью к моему отцу. Он написал письмо, в котором рекомендовал Владимира Ульянова как образцового ученика.

— Это был смелый шаг со стороны вашего отца, имперского чиновника, — дать рекомендательное письмо брату цареубийцы, опасного заговорщика... Говоря словами более позднего периода — «врага народа»!

— Нет, по тем временам такой поступок вовсе не казался отчаянным. Несмотря на жесткий, реакционный — как тогда говорили — режим, никто не нес ответственности за поступки своих родственников.

— Встречались ли вы с Лениным за границей?

— Видите ли, если Ленин много времени провел в эмиграции — Франции, Великобритании, Швейцарии, — то я до изгнания в 1918 году за границей никогда не был... Мы принадлежали к двум разным поколениям. Лицейские и университетские годы Ленина приходятся на 80-е годы, эпоху реакции, когда российская молодежь начала увлекаться доктриной западного материализма, марксизма. Я же начал свою политическую жизнь в начале двадцатого века, когда молодежь в России больше интересовалась духовными поисками, стала разочаровываться в классических доктринах Канта и Маркса. В этом главная разница между двумя нашими поколениями.

— Как и Ленин, вы изучали право?

— Лицей я окончил в Ташкенте, потом учился в Петербургском университете: сначала на историко-филологическом факультете, потом — на факультете права. Карьера адвоката нужна была мне, чтобы заниматься политическими судебными делами, иметь возможность в полный голос говорить правду. Я ездил по всей России, так как процессы с 1906 года велись повсюду — в Сибири, на Кавказе, на Украине...

— Кого вы считаете самым великим государственным деятелем России до революций 1917 года?

— Графа Витте. Он начинал свою жизнь чиновником провинциальной железной дороги, а потом стал министром транспорта, министром финансов. В течение десятка с небольшим лет Витте реорганизовал российскую экономику, индустрию. В конце русско-японской войны после первой всеобщей забастовки растерянный император Николай II призвал графа на совет. Господин Витте сказал: «Ваше Величество, вы должны сделать выбор. Или дать народу конституцию, или назначить военного диктатора с неограниченной властью». Так появился манифест октября 1905 года, который дал России первую конституцию.

— А почему была распущена 1-я Дума, созданная летом 1906 года?

— 1-я Дума действительно представляла народ. Почти половину ее членов составляли крестьяне. Основа другой половины — прогрессивные либералы. Дума имела две цели: борьбу за изменение царской Конституции и решение аграрного вопроса. Аграрные проблемы, и по сей день имеющие для СССР очень большое значение, послужили предлогом для роспуска 1-й Думы. Дело в том, что главной идеей многих русских мыслителей — скажем, Льва Толстого — было: земля не принадлежит людям, а принадлежит Богу. И тут после отмены крепостного права крестьянам в России дали землю. Немного, но дали! Желание крестьян иметь собственную землю стало еще более сильным. Появился проект аграрной реформы, который предусматривал частичное использование земли крестьянами. Для дворянства — как крупного, так и мелкопоместного — это было неприемлемо. Тогда и прибегли к помощи господина Столыпина.

— Как раз я хотел поговорить о Петре Столыпине. О его роли в создании конституционной России.

— Столыпин был губернатором той провинции на берегах Волги, от которой меня позднее избрали членом Думы, — Саратовской губернии. Он был энергичным и властным политическим деятелем, имевшим тесные связи с земством — местным правительством. Столыпин согласился провести аграрную реформу. После роспуска Думы в ноябре 1906 года по старому стилю был провозглашен декрет, который должен был полностью изменить аграрную структуру России. Столыпин хотел распустить, уничтожить русскую аграрную коммуну — то, что называлось «мир», — и создать систему частных крестьянских ферм — «хуторов». Создать класс сильных, инициативных крестьян-собственников. Мир, община — древняя модель, нечто вроде примитивного кооператива: земля принадлежит не тому или иному крестьянину, а всей коммуне. Перераспределяются участки в зависимости от увеличения или уменьшения числа едоков. Короче, идея Столыпина была разумной: отказаться от общины. Однако способы проведения реформы отличались непродуманностью, жестокостью.

— Столыпин не был единственной яркой и самобытной фигурой в российской политике начала века. Мне кажется, что интересен нам сейчас и Гучков. В книге «Русская революция» вы пишете, что Гучков принимал участие в англо-бурской войне как доброволец на стороне республики Трансвааль, во время русско-японской войны прошел всю Маньчжурию как делегат Красного Креста. В октябре 1905 года Гучков возглавил партию российских консерваторов и поддержал Столыпина, однако вскоре ощутимо поменял свои взгляды.

— Предвоенное десятилетие было удивительным периодом в истории России. Бурно развивались промышленность, сельское хозяйство, кооперативное движение, печать, политическая жизнь... Конституционная Россия становилась по-настоящему подготовленной для нового этапа демократического строительства — парламентского правления. Но Распутин и двор мечтали о другом — о возрождении абсолютной монархии.

Гучков и другие выдающиеся представители русской политической мысли той поры — Столыпин, Витте, Милюков, Извольский — прекрасно понимали трагизм ситуации, в которой Россия оказалась в начале века. Стране, едва прикоснувшейся к демократии, как воздух, нужен был мир, а она, опутанная союзническими обязательствами, полным ходом шла к войне.

— Помню, вы утверждали, что, если бы не война, революция произошла бы не в 1917 году, а раньше. Однако была бы вообще возможна революция в России, если бы не война?

— Превращение России в парламентскую демократию было неизбежным! Даже в кругах самой высокой, приближенной к трону бюрократии оказалось немало людей, выступавших с идеей покончить со структурной слабостью режима, при котором возможна распутинщина. Но все карты смешала война!

— Какие решения Временного правительства вы хотели бы отметить?

— Первое, чего мы потребовали, — это политических свобод. Мы выступили за немедленный созыв Учредительного собрания, депутаты которого выбирались бы всеобщим голосованием. Мы отменили все различия, продиктованные принадлежностью к классу, религии или национальности. Начали аграрную реформу, отменили частную собственность на земельные участки свыше 40—60 гектаров, включили все обрабатываемые земли в Национальный земельный фонд. Каждый человек, изъявивший желание трудиться на земле, должен иметь право на свой надел. Само население на местах определяет тот аграрный режим, который более всего соответствует его обычаям и нравам. Коммуна или кооператив, община или частное владение... Мы ввели законы, которые дали рабочим права на членство в профсоюзе, на участие профсоюзов в деятельности каждой фабрики. Временное правительство выступило и за развертывание кооперативного движения. Мы выступили за бóльшую автономию земства в руководстве дел на местах.

— Временное правительство провозгласило автономию Финляндии.

— Нет! Мы восстановили независимость Финляндии. Она была аннексирована Россией в ходе наполеоновских войн и вошла в империю в качестве независимого государства, заключившего союз лично с императором. В царствование Николая II многие права Финляндии были отменены, что, естественно, вызывало недовольство, даже восстания в Финляндии. Кстати, либеральное общественное мнение России никогда не принимало политики насильственной русификации. Временное правительство немедленно вернуло Финляндии все права при одном-единственном условии: независимость Финляндии должна быть принята Учредительным собранием. Одновременно мы провозгласили и независимость Польши. Начал разрабатываться режим предоставления независимости для прибалтийских стран, для Украины... На Кавказе, в Туркменистане мы стали приглашать представителей местного населения для управления страной. Даже Ленин, когда он вернулся в Россию, признал, что к середине 1917 года Россия являлась самым свободным государством в мире.

— Когда Ленин вернулся в Россию в 1917 году, был ли он там широко известен, как утверждают советские историографы?

— В народных массах — нет. Но Ленина хорошо знали в политических кругах. После всеобщей амнистии в стране царил какой-то экстаз. Даже в газете Милюкова, никогда не отличавшегося симпатией к большевикам, написали после приезда Ленина в Петроград: «Лидер социалистов Ленин должен быть на российской политической арене. Мы должны сказать ему «Добро пожаловать!» вне зависимости от того, что мы думаем о его взглядах».

— Чем же отличался Ленин? Знаниями, ораторским искусством, организаторскими или административными способностями?

— Он был великим организатором. Его сила была в умении организовать. С другой стороны — и это очень важно знать, — ему не были ведомы в политической жизни такие понятия, как уважение к другим, сдержанность, верность политической линии. Он был готов на что угодно, если в этом нуждались партия и «мировая революция».

— Из книги Троцкого об истории русской революции видно, что вы больше, чем ваши коллеги, сделали для того, чтобы понять Ленина. Троцкий пишет, что после речи Ленина, ставшей знаменитой как «Апрельские тезисы», вы даже изъявили желание встретиться с Лениным, чтобы объяснить ему пагубность курса на превращение войны народов в войну классов. Этот ваш либерализм и стали вам в упрек потом. Почему вы не стали действовать с большей строгостью против человека, представлявшего опасность для вас?

— Да потому, что Ленин не был тогда опасным для меня. Никто во всей России не верил в ту пору, что глава крайне левой партии может представлять опасность для устоев страны, для ее будущего. Когда я узнал о выступлении Ленина 17 апреля, моим первым эмоциональным порывом было встретиться с ним, поговорить о нашем детстве в Симбирске, о родителях...

— А каким был Ленин?

— Если бы вы встретили его на улице, никогда бы не подумали, что в этом человеке есть что-то необычное. Ленин был сторонником беспощадного террора, без малейшего снисхождения. Только так меньшинство может навязать свою власть большинству, стране. Когда, уже будучи в эмиграции, я спрашивал друзей Ленина из членов левых партий Европы или из меньшевиков о различиях между Лениным и Сталиным, все говорили: в отношении к террору различий между ними не было.

— Большевики начали восстание как раз в то время, когда Австро-Венгрия предложила России сепаратный мир. Известие о нем пришло 6 ноября. Как бы развивались события, если бы обращение из Вены с предложением о мире стало вам доступно на сутки раньше?

— Я сейчас коснусь самого трагического момента в истории России, а может быть, и всей мировой истории. Нам надо было любой ценой продержаться до окончания военной кампании 1917 года. Мы уже подготовили сепаратный мир с Болгарией и Турцией, но не имели сведений из Австро-Венгрии. Временное правительство находилось между двух огней. С одной стороны — Германия и большевики, которые боялись того, что Австро-Венгрия заключит с нами сепаратный мир. С другой — правительства Франции и Великобритании, которые не питали никаких симпатий к нашему правительству... И вот совершенно неожиданно мы получили информацию из Швеции: некий господин явится к нам с предложением австрийцев о сепаратном мире! Но было уже слишком поздно.

— Тогда вы отправились на Северный фронт, чтобы заручиться поддержкой армии. Но полк, который вы возглавили, был остановлен около Царского Села: казаки купили свою свободу ценой вашей головы.

— Было заключено соглашение между казаками и Дыбенко. В эти последние минуты я оказался в Гатчине совершенно один. Со мной остался лишь мой адъютант, всем другим я отдал приказ уехать как можно скорее. Мы решили, что в тот самый момент, когда казаки и матросы явятся нас арестовать, мы закроемся и совершим двойное самоубийство. И тут в дверь постучали. Вошли молодой офицер и матрос: «Вот матросская форма, быстро переодевайтесь и бегите!»

— Вы не знали, куда направляетесь?

— Ничего не знал. Несколько месяцев — с ноября по июнь — я провел в подполье. Жил недалеко от Петербурга. Меня скрывали крестьяне, рабочие — простые люди, которым и в голову не приходило предать меня, несмотря на то, что за мою голову большевики обещали огромную сумму. Тепло и верность этих людей — главная компенсация за многие годы моей жизни, отданные службе России.

— Но и вы когда-то помогли укрыться царской семье в ожидании эвакуации. В своей книге, посвященной расправе над Николаем II и его семьей, вы писали, что сразу после отречения император написал в своем дневнике три слова: «Предательство, трусость, козни». Царь чувствовал, что происходит что-то неладное, но почему он не начал действовать ранее?

— Врачи рассказывали, что, когда Распутин и его круг решили, что император слаб и не может более управлять страной, возник план посадить на трон Алексея и объявить императрицу регентшей. Будто бы для этого тибетский врач Бадмаев через Распутина и императрицу давал императору какие-то лекарства, полностью подавляющие его волю.

— А каким вы знали царя?

— Он казался мне абсолютно нормальным человеком. Очень любезным, иногда веселым. Мне думается, он знал перед революцией об опасности, которая ему грозила, но у него не хватало сил заявить императрице: «Довольно! Не буду больше вас слушать, пойду с другими!» Существовала, впрочем, очень личная причина, почему он не мог так сделать. Это семейная тайна, я не имею права говорить о ней. Скажу только: император чувствовал себя как человек, который сделал что-то очень нехорошее по отношению к своей жене, когда она была совсем молодой.

— Александра Федоровна была немкой. Это не наводило вас на определенные мысли?

— Слухи о том, будто императрица, симпатизирует германскому императору, были очень распространены на фронтах. В свое время я даже вел расследование по этому поводу. Вспоминаю о своей драматической встрече с императрицей. Мы разговаривали наедине, придворная дама Нарышкина осталась в соседней комнате. Императрица мне сказала: «Опять?! Я знаю обо всех этих разговорах. Это ужасно! По воспитанию, привязанностям я — англичанка. Я была любимой внучкой королевы Виктории. Дома мы говорили только по-английски...» Ее возмущение произвело на меня большое впечатление. Кроме того, мы изучили много документов, опросили свидетелей. Убежден: у императрицы не было никаких связей с императорской семьей Германии.

— А вот по отношению к вам императрица была менее великодушной. Как утверждает Троцкий, за несколько дней до отречения императора Николая II она потребовала вашей смертной казни. Не это ли помешало вам спасти царскую семью?

— Императрица требовала не только моей головы, но и Гучкова, Милюкова. Ее письма с просьбой казнить нас не следует рассматривать как политические акты. Это действия больной, несчастной женщины. Что же касается эвакуации царской семьи, то мы решили отправить их через Мурманск в Лондон. В марте 1917 года получили согласие британского правительства, но в июле, когда все было готово для проезда на поезде до Мурманска и министр иностранных дел Терещенко отправил в Лондон телеграмму с просьбой выслать корабль для встречи царской семьи, посол Великобритании получил от Ллойд Джорджа ясный ответ: британское правительство, к сожалению, не может принять царскую семью в качестве гостей во время войны. Тогда мы решили отправить царскую семью в маленький Тобольск, где даже не было железной дороги. Оттуда мы хотели эвакуировать их в США... Император не раз говорил мне, что Временное правительство — последняя плотина перед бурей, разрушительную силу которой даже нельзя предвидеть. Император верил мне и знал, что я его спасу. Вышло же по-иному... Чтобы истребить царскую семью, надо было переступить барьер. Когда в марте 1917 года в Москве меня просили арестовать императора, отправить его в Петропавловскую крепость и даже казнить, я ответил: никогда в жизни не стану Маратом русской революции.

— Опыт революции в России в 1917 году вызывал и продолжает вызывать на Западе живейшие споры. Можно ли объяснить специфику этой революции пропастью, разделяющей Восток от Запада?

— Граница между Западом и Востоком все время меняется. Основы коммунистического движения были придуманы не в России, это результат развития политической и философской культуры, социологии в европейском мире. Да и сейчас вы найдете в Москве меньше подлинно коммунистических фанатиков, чем в Риме или Париже... Вся русская история, начиная с конца XIX века, — это борьба за свободу, за достойную человеческую жизнь. Это не имеет ничего общего с идеями диктатуры. Мы явились первыми жертвами тоталитаризма, который завоевал почти всю Европу. С какими лозунгами Ленин победил в 1917 году? Он никогда не говорил в России, что хочет установить мировую диктатуру пролетариата. Поднимите старые газеты, журналы, выступления Ленина, Троцкого, Сталина. Они говорили, что только большевики гарантируют народу землю, Учредительный съезд и абсолютную свободу. А в результате?

— Ну а если обратиться к литературе... Мысли и поступки героев романов Достоевского кажутся нам удивительными. После Достоевского в словарь людей на Западе вошли некоторые слова, которыми мы не пользуемся. Скажем: жертвовать собой. Помоему, это больше подходит к славянской душе.

— Да, славянская душа, русская душа — это символы, которые вы не понимаете! Жертвовать собой — это жертвовать всем, вплоть до самой жизни ради священного дела, ради спасения страны, духовных ценностей. Во время революции такое случалось. И не раз.

— И последний вопрос. Если бы все можно было вернуть, что бы вы сделали?

— Прошлого, к сожалению, не вернуть. Но если бы это было возможно, я бы, наверное, действовал иначе. Я бы не вошел в правительство. И, думаю, если бы вернулся 1917 год, народ был бы более осторожным и терпимым.

Подготовлено к публикации Л. ОДИНЦОВОЙ и К. ПРИВАЛОВЫМ

Члены Временного комитета Государственной думы. Сидят (слева направо): С. В. Шидловский, М. В. Родзянко; стоят: Б. А. Энгельгардт (комендант петроградского гарнизона), А. Ф. Керенский, М. А. Караулов

Керенский глазами Кукрыниксов

Печатается с сокращениями.

В ГОСТЯХ У «ЛГ»

БИЗНЕС И БЮРОКРАТИЯ

Александр Папакристу в СССР представляет одну из крупнейших юридических фирм Америки — компанию «Стэптон и Джонсон». Уже одного этого было бы достаточно, чтобы Алекс стал героем газетного материала. Однако есть еще нечто, что резко выделяет его среди иностранных бизнесменов, буквально наводнивших в последнее время нашу страну. Гражданин США Александр Папакристу и гражданин СССР Александр Минаков (кандидат юридических наук) создали первую в Советском Союзе частную юридическую контору. Название она получила «Лекс Интернэшнл» и будет давать консультации по любым юридическим вопросам.

Недавно Папакристу посетил редакцию «ЛГ».

— Вы прожили в СССР уже больше года. Чем вы могли бы похвалиться?

— Я консультировал дорогостоящий советско-американский проект. В результате было подписано соглашение между компанией «Спринт» и Центральным телеграфом СССР. Создание совместного предприятия даст возможность обеспечить вашу страну компьютерными каналами для получения информации. Сегодня, когда наступает эра факсов, государство без компьютеров выглядит, как дипломат без галстука.

И, конечно, за этот год я помог найти друг друга многим советским и американским фирмам.

— Какие черты, на ваш взгляд, свойственны советским чиновникам?

— Мне кажется, что сегодня советские чиновники хотели бы создать какой-то новый, демократический бизнес, но, к сожалению, не очень представляют, какой именно и как это сделать. Многие руководители по-настоящему открыты, готовы к сотрудничеству, однако некоторые совершенно не готовы к компромиссу. А ведь именно на компромиссе и строится сотрудничество.

— Что вам представляется наиболее сложным в делании бизнеса в СССР?

— Мне довольно странно, что в Советском Союзе нужно иметь дело не с организацией, а с людьми. Если удается найти чиновников, которые способны на принятие решения, мобильны, легко адаптируются к противоположной точке зрения, отстаивая при этом и свою собственную, то это, как говорится, уже полдела. Как правило, таких удается найти в любой организации. К сожалению, они не всегда занимают высокие посты, и тогда бизнес идет тяжело, потому что эти люди не имеют достаточного влияния. В Америке мы имеем дело не с людьми, а с организациями. Кроме того, в любом учреждении всегда можно найти человека одного с тобой «веса», с которым ты начинаешь вести дело. У вас говорят: «Только Иван Иванович может решить этот вопрос». У нас так никто не скажет. Бизнес и бюрократия несовместимы.

— А какие советы ваши клиенты спрашивают у вас чаще всего?

— О, вопросов очень много. Как организовать встречу с той или иной советской организацией для завязывания контактов, где найти помещение для офиса (проблема из проблем), как пользоваться собственностью, как принимать на работу сотрудников... Естественно, советские законы сильно отличаются от тех, которые приняты на Западе. Мне очень часто приходится проходить между Сциллой и Харибдой, находя компромисс в решении тех или иных проблем.

Один пример. В вашем Уголовном кодексе есть статья, наказывающая лишением свободы на длительный срок за сокрытие товара от продажи. Я думаю, что вы не найдете ни одного человека на Западе, который смог бы объяснить, что она означает.

— Ваше мнение по поводу перехода советской экономики на рыночную основу?

— Экономика свободного рынка — слишком большая и комплексная проблема. В Америке не существует абсолютно свободного рынка. Его нет и нигде в мире. Рынок регулируется правительством по многим параметрам. И это правильно: у людей разные возможности, и нельзя выгоду одних строить на неблагополучии других. Ну и, конечно, я далек от мысли, что в Советском Союзе появится абсолютно свободный рынок. Однако определенную свободу он должен получить.

— Были ли у вас случаи, когда из-за глупости или некомпетентности срывались интересные соглашения?

— Сколько угодно. Советские фирмы не очень любят делиться прибылью. Недавно был такой случай. Одна советская организация обещала определенные услуги американской фирме. Ей должны были заплатить в валюте. Однако услуги эти были возможны только с помощью еще двух советских организаций. Получив валюту за услуги, ваша фирма отказалась разделить ее с остальными. Тогда остальные отказались выполнить предполагаемую работу. В результате сделка распалась. А жаль.

— А что вам не нравится в американском бизнесе?

— Многие компании приходят в Советский Союз без достаточно обоснованных предложений, у них нет серьезных идей для сотрудничества. Они не понимают специфики советской экономики, и представители этих фирм разговаривают с советскими так, как будто СССР — это часть США. И при этом ждут определенных результатов. Это, простите, смешно.

— Можете ли вы дать экологический прогноз будущего нашей страны?

— Давать прогнозы — дело неблагодарное. Тем не менее если вы пойдете дальше по дороге демократизации экономики, то уже в ближайшие два года можно будет получить какие-то ощутимые результаты. Возможно, нужно пригласить зарубежных специалистов, позволить им проехать по стране и дать конкретные рекомендации.

— Какой вопрос вас мучает сегодня больше всего?

— Я никак не могу понять следующий феномен: почему ваше государство так мало доверяет людям? Почему им не дают возможности трудиться свободно и самостоятельно? Почему кооперативы не находят поддержки и почему результат их деятельности так мал? Иногда мне кажется, что я знаю ответы на эти вопросы.

Но я все равно постоянно задаю их.

Беседу вел Л. ЗАГАЛЬСКИЙ